

УДК 82.091

DOI: 10.17223/19986645/48/11

Е.М. Бутенина

ТРАНСКУЛЬТУРНЫЙ КОД «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА» В ПОЭТИЧЕСКОМ РОМАНЕ США

В статье анализируется поэтический роман индо-американца Викрама Сета «Золотые ворота» (The Golden Gate, 1986), написанный в форме онегинской строфы и обнаруживающий немало перекличек с пушкинским претекстом. Транскультурный код пушкинского творения нашел неявный отклик и в других американских романах в стихах, что позволяет говорить о его особой значимости для современного англоязычного контекста.

Ключевые слова: Пушкин, «Евгений Онегин», роман в стихах, Сет, «Золотые ворота», Хеджиян, «Охота: Короткий русский роман».

Несмотря на усилия многих переводчиков и славистов, Пушкин остается малоизвестным за пределами русского мира. Хотя переводы произведений первого русского классика и англо-американские исследования о нем появились еще в середине XIX в. [1. С. 356–370], интерес к поэту в англоязычном пространстве возрастает только к концу XX столетия. До недавнего времени исключение составлял лишь африканский пушкинский миф: расовое происхождение поэта уже почти два столетия притягивает уроженцев Африки и их потомков на других континентах [2, 3]. Важным этапом в утверждении статуса Пушкина в США стало масштабное празднование столетней годовщины со дня смерти поэта, в котором афроамериканцы приняли самое активное участие [4].

Однако лишь в конце XX в., словно в ответ на знаменитые слова Гоголя о необходимости двухвековой дистанции для осмысления русского гения [5. С. 50–51], в англоязычном мире не только активизировались пушкинские исследования и переводы, но появился и значимый художественный отклик на пушкинское наследие: поэтическая интерпретация «Евгения Онегина». Первый русский полифонический роман вдохновил индо-американца Викрама Сета на создание объемного стихотворного повествования «Золотые ворота» (The Golden Gate, 1986), написанного в форме онегинской строфы и обнаруживающего немало перекличек с пушкинским претекстом.

Викрам Сет осуществил свой эксперимент как будто в преддверии пушкинского юбилея. К двухсотлетию Пушкина и в нашей стране, и за рубежом предпринимались попытки обобщить накопленный опыт переводов его произведений [6, 7, 8]. Интересный проект был осуществлен под редакцией английской писательницы и переводчицы Элейн Файнстайн, автора биографии Пушкина (1998): сборник переложений стихотворений классика известными англоязычными поэтами, выполненных на основе их переводов на английский язык [9]. Авторы сборника стремились таким образом приблизить пушкинскую поэзию к англоязычному читателю (анализ некоторых стихотворе-

ний см. в работе [10]). В современном англоязычном мире как переводчик Пушкина, изучавший русскую литературу в Гарварде и Ленинграде, ценится поэт и композитор Джулиан Генри Лоуэнфэлд [11], подготовивший объемное двуязычное издание пушкинской поэзии [12].

В ожидании великого юбилея появилось и немало новых англоязычных исследований о Пушкине. Большая заслуга в популяризации Пушкина принадлежит американскому слависту венгерского происхождения Полу Дебрежени (1932–2008), основателю (1993) и первому президенту Североамериканского пушкинского общества, первому редактору журнала этого общества «Пушкин Ревью», переводчику и комментатору первого полного издания пушкинской прозы на английском языке (1983) и автору нескольких книг о русском поэте. Среди них – «Другой Пушкин: Изучение прозы Александра Пушкина» (1983) и «Социальные функции литературы: Александр Пушкин и русская культура» (1997), где рассматривается зарождение пушкинского мифа при жизни поэта и его развитие в царской и советской России. Дебрежени обоснованно полагает, что дуэль Пушкина с иностранцем в момент формирования национальной идентичности способствовала канонизации поэта-мученика и сотворению главной мифологической фигуры в русской культуре [13].

В недавних англоязычных биографиях Пушкина заметно стремление деакадемизировать классика, и рецензенты ведущих массмедиа приветствуют эту тенденцию. В отзыве «Вашингтон пост» на книгу оксфордского слависта Т. Дж. Биньона (2003) подчеркивается, что профессор также известный специалист по детективу и автор двух криминальных романов. По мнению автора рецензии, именно благодаря этому исследователю удалось так «потрясающе подробно воссоздать жизнь Пушкина», и его работа «станет образцом жизнеописания поэта на английском языке» [14. С. 15]. Книга Биньона ставится в один ряд с исследованием последних дней поэта в книге «Пуговица Пушкина» (1995, англ. перевод 1999) итальянской славистки Серены Витале [15, 16], обнаружившей новые архивные документы и искусно соединившей биографию и детектив в новую жанровую форму [17].

В инокультурном осмыслении наследия Пушкина отдельное место занимает проблема перевода «Евгения Онегина». Вопреки утверждению Набокова о том, что этот роман в стихах невозможно перевести стихами, многочисленные попытки сделать это предпринимались и до, и после набоковского прозаико-поэтического переложения, изданного в 1964 г. В числе известных стихотворных англоязычных версий пушкинского шедевра – перевод британского дипломата Чарльза Джонстона (1977). Именно этот популярный перевод вдохновил Викрама Сета на использование пушкинского сонета для создания романа о современной Калифорнии.

Подобный смелый эксперимент, видимо, отчасти объясняется двойным острашением автора – Сет не коренной американец и не филолог. Уроженец Калькутты, до создания своего дебютного романа он работал над докторской диссертацией по экономике в университете Стэнфорда и в какой-то момент почувствовал необходимость перемены занятий. Поскольку молодой экономист всегда писал стихи, то он отправился в поэтический отдел университетского книжного магазина и там нашел джонстоновский перевод «Евгения

Онегина», от которого пришел в такое восхищение, что решил отложить научную работу (к которой так и не вернулся) и написать свою «калифорнийскую историю» [18]. Американский классик Гор Видал назвал «Золотые ворота» «великим калифорнийским романом», о чем сообщалось на обложке первого издания будущего бестселлера. Многие рецензенты приветствовали роман Сета как триумфальное «возвращение рифмы» и «противоядие от модного нигилизма» [19. С. 75].

Конечно, молодого индо-американца вдохновила не только форма пушкинского романа – он увидел в нем параллели со своей обретенной культурой. Пушкин ввел в русский язык слово «денди» и придал русскому дендизму статус законодательного эстетического и интеллектуального стиля своей эпохи [20, 21], при этом показав потенциал личности светского эгоиста. Сет попытался реабилитировать яппи, своеобразный вариант денди в рейгановской Америке, развенчанного в национальной прессе и городском романе 1980-х (например, в романах «Яркие огни, большой город» (*Bright Lights, Big City*, 1984) Джея МакИнерни или «Меньше нуля» (*Less Than Zero*, 1985) Бре-та Истона Эллиса). Как и денди, яппи уделяет немалое внимание внешнему облику, он высокомерен, довольно циничен и безразличен к политическим и социальным проблемам, однако в изображении Сета не лишен достоинств.

Кругу яппи принадлежат все герои «Золотых ворот», схематично представляющие различные этнические, сексуальные, социальные и религиозные субкультуры Америки. Протагонист романа, Джон Браун, калифорнийский байронит двадцати шести лет, воплощает мейнстрим (белый гетеросексуальный мужчина), в конце XX в. утративший доминирующие позиции и ко всему безразличный. Бывшая подруга Джона, японоамериканская художница Джен Хаякава, пытается возродить его интерес к жизни, разместив за него объявление в разделе знакомств. Так Джон встречает адвоката-феминистку Лиз Дорэти, которую оттолкнет его эгоцентризм, поэтому она не примет его предложение и вместо этого выйдет замуж за отца-одиночку Фила Вайса, покинутого и первой женой, и возлюбленным-католиком. В финале романа Лиз и Фил называют в честь Джона своего сына и просят героя стать крестным отцом, а он с благодарностью соглашается, потому что к этому времени пережил невосполнимую потерю – гибель Джен в автомобильной катастрофе – и осознал ценность дружбы и любви.

Для воспроизведения такой разноголосицы Сету необходим был пушкинский опыт создания «энциклопедии стилей и языков эпохи» [22. С. 142]. Сет включает в свой роман отдельные слова и фразы на нескольких языках, в том числе на русском, фрагменты политических речей, арт-рецензий, рекламных объявлений, термины из области компьютерных технологий и ядерной физики. Кроме того, индо-американский автор использует пушкинский прием строфического переноса, придающего повествованию интонационную свободу [23. С. 313]. Количественный анализ строфических переносов в «Золотых воротах» демонстрирует наибольшую частотность этого приема в авторской речи [24. С. 132–133]. Вслед за Пушкиным для придания стиху разговорной интонации в диалогах Сет использует короткие реплики, повторы, эллиптические предложения:

«Phil, I'm not as extreme as you».
 «Extreme?» «I mean, I'm not committed
 In the same way». «I see» «But, Phil,
 If you've got something quarter-witted
 That I can do to help, I will».
 «Well, Liz, you could – but no – they'd fire you».
 «What?» «Well, I thought that legal aid...»
 Liz looks downcast. «No, I'm afraid
 That's the one thing that I can't proffer.
 The form would squawk... but taking care
 Of Paul perhaps – could I help there» (7. 38) [25. С. 166–167].

В переводе А. Олеара, несмотря на удлинение реплик и отказ от повторов, разговорная отрывистость сохраняется:

«Не Че Гевара я, уволь, –
 и в Робин Гуды не готова».
 «Все понимаю, не сержусь».
 «Фил, сумасшедший, право слово,
 а все же я тобой горжусь!
 И вам сочувствую». «Ты, что ли,
 поддержишь нас? Тебя уволят.
 Но как юрист ты бы могла...»
 «Я не должна вести дела –
 хозяева сожрут живьем.
 Но вот о мальчике твоём я позабочусь
 (лучше б днем) по мере сил своих я скромных» [26. Ч. 2. С. 45].

Как отмечал Ю.Н. Тынянов, Пушкин использует разговорные интонации и «в повествовании, когда интонационный налет как бы делает самое повествование некоторою косвенною речью героев» [27. С. 69]. Сет стремится воспроизвести эту непринужденность с первых строк своего романа в стихах:

To make a start more swift than weighty,
 Nail Muse. Dear Reader, once upon
 A time, say circa 1980,
 There lived a man. His name was John (1.1) [25. С. 5].

Легкая интонация авторской речи сохранена в переводе:

О, как роман начать приятно
 так: «Здравствуй, Муза! Некто Джон
 жил-был себе в восьмидесятых.
 Героем нашим станет он» [26. Ч. 1. С. 12].

Сет перенимает не только пушкинскую манеру обращения к читателю¹ (в процитированном переводе первой строфы это обращение пропущено, но передано во многих других случаях) и вкрапления металитературных комментариев о творчестве, но и вводит в текст автобиографическую фигуру ав-

¹ О естественности этой манеры в «новом медиуме» стихотворного романа писал Набоков [28. С. 18].

тора, раздвоившегося на двух персонажей. Это «невеселый гость среди веселых», экономист Ким Тарвес, имя которого представляет собой анаграмму от Викрама Сета (*Kim Tarvesh – Vikram Seth*), и писатель под собственным именем, повествующий о том, как он рассказал редактору об идее написать роман в стихах, а тот «пожелтел» и поспешно ретировался:

A week ago, when I had finished
Writing the chapter you've just read
And with avidity undiminished
Was charting out the course ahead,
An editor – at a plush party
(Well-wined, provisioned, speechy, hearty)
Hosted by (long live!) Thomas Cook
Where my Tibetan travel book
Was honored – seized my arm: «Dear fellow,
What's your next work?» «A novel...» «Great!
We hope that you, dear Mr. Seth» –
«...In verse», I added. He turned yellow.
«How marvelously quaint», he said,
And subsequently cut me dead (5. 1) [25. С. 98].

Эта программная строфа очень близко к тексту переведена Г. Агафоновым в публикации журнала «Иностранная литература»:

Закончил я неделей раньше
Писать четвертую главу,
Уже мечтал, что будет дальше,
Каким маршрутом поплыву...
Тут в честь меня устроил вечер
(вино-закуска, тосты-речи)
Сам Томас Кук (!), ведь вышли в свет
Мои заметки про Тибет.
Редактор руку жмет влюбленно:
«Что пишете?» – «Роман». – «Ого!
Надеюсь, мистер Сет, его...» –
«В стихах». Редактор стал зеленым:
«Да, мысль свежа и хороша...» –
И как зарезал без ножа [29. С. 240].

Образность строки «Was charting out the course ahead» – «Намечал дальнейший маршрут» – интересно развернута в переводе А. Олеара:

Спустя дня три, как каравелла
главы сошла со стапелей
и я, вертя штурвалом, смело
повел эскадру кораблей,
по курсу встретился издатель <...> [26. Ч. 1. С. 212].

Викрам Сет всячески подчеркивал игровой характер своего замысла. Пушкинским сонетом написаны не только 590 строф калифорнийского романа в стихах, но и четыре дополнительные строфы – посвящение, благодарности, содержание и сведения об авторе. В русском языке уже принята трансли-

терация Сет, однако имя *Seth* в английском языке произносится как [seit], поэтому рифмуется с *gate* (ворота), чем автор не преминул воспользоваться на титульной странице: *The Golden Gate / by Vikram Seth*. Так само имя автора, подобно мосту «Золотые ворота» и одноименному проливу, соединяющему Сан-Франциско с Тихим океаном, становится символической точкой соприкосновения Востока – в данном случае воплощенного Россией и Индией – и Запада.

Предвидя скептическую реакцию критиков-антитрадиционалистов на свое творение, Сет провоцирует ее. Он выражает сомнения в силах своей «морщинистой музы» и в возможности возрождения старых поэтических форм в новое время, при этом рифмуя Онегина и Рейгана:

How do I justify this stanza?
These feminine rhymes? My wrinkled muse?
This whole passé extravaganza?
How can I (careless of time) use
The dusty bread molds of Onegin
In the grave bakery of Reagan?
The loaves will surely fail to rise
Or else go stale before my eyes.
The truth is, I can't justify it.
But as no shroud of critical terms
Can save my corpse from boring worms,
I may as well have fun and try it.
If it works, good; and if not, well,
A theory won't postpone its knell (5. 3.) [25. С. 101].

В переводе Г. Агафонова сохранены практически все метафоры, особенно в первой части строфы:

Чем эти строфы обосную?
И чем – морщины женских рифм?
Экстравагантность наносную?
Могу ли я прибегнуть к ним,
К онегинским забытым формам,
И печь свой хлеб по старым нормам
В пекарне Рейгана? Едва ль.
Сгорит мой хлеб. Но очень жаль,
Что вот умру и лягу в гроб я
И ничего не докажу...
Мне нравится, что я пишу.
Пусть критики ломают копья.
Получится – прекрасно; нет –
Теория найдет ответ [29. С. 241].

А. Олеар, выполнивший перевод всего романа (и даже встречавшийся с автором (см.: [30]), более свободно ощущает себя в стихии этого текста и нередко изменяет исходную образность, однако точно передает мысль и интонацию:

Как объяснить (не вижу средства)
 строфу и рифмы? Муза вдруг
 сошла с ума и впала в детство?
 Зачем направил я свой плуг
 пахать онегинское поле?
 К амбарам рейгановским, что ли,
 решил добавить горсть зерна?
 И пригодится ли она?
 Оправдываться бесполезно:
 язык, как саван, не спасет.
 Пусть критик-червь меня сосет,
 но жизнь моя не будет пресной!
 Живому, мертвому ли телу –
 до теоретиков нет дела [26. Ч. 1. С. 214].

Поведав о своем замысле рассказать историю, вдохновенную «Евгением Онегиным», Викрам Сет призывает своих читателей прочесть первоисточник:

Reader, enough of this apology;
 But spare me if I think it best,
 Before I tether my monology,
 To stake a stanza to suggest
 You spend some unfilled day of leisure
 By that original spring of pleasure:
 Sweet-watered, fluent, clear, light, blithe
 (This homage merely pays a tithe
 Of what in joy and inspiration
 It gave me once and does not cease
 To give me) – Pushkin's masterpiece
 In Johnston's luminous translation:
Eugene Onegin – like champagne
 Its effervescence stirs my brain (5.5) [25. С. 102].

Эта восторженная легкость хорошо передана в переводе:

Однако хватит оправданий!
 Читатель милый, пожалей
 мои упрямство и страданья
 над застывающим желе,
 чтоб мог и ты, в часы досуга,
 в строфе изящной и упругой
 отыскивать свет, легкость, блеск,
 что просто невозможны без
 процентов к долгу (это ясно) –
 шедеврю Пушкина. Роман
 нам свыше был для счастья дан,
 а Джонстон перевел прекрасно.
 «Онегин» – старое вино, но
 как волнует кровь оно! [26. Ч. 1. С. 216].

Американский Онегин, как и его русский «предшественник» – сноб и эстет. О его читательских вкусах говорится так: «[he] likestoread / Eclectically

from Mann to Bede» – «читать он любит эклектично / от Манна до Беды» [25. С. 6]. (В переводе А. Олеара эта строка не передана, а в версии М. Визеля, опубликовавшего на своем сайте перевод первых строф, сообщается, что герой «все подряд / Любил читать» [31]). Хотя любой из Маннов и тем более Беда Достопочтенный представляются маловероятным чтением для калифорнийца-гедониста, Марджори Перлофф, автор саркастической рецензии о «Пушкине из Силиконовой Долины», использует эту провокацию в качестве одного из многочисленных объектов для своей критики [32. С. 42]. Сет ироничен по отношению к своему герою, ценящему комфорт, изысканные удовольствия и при этом полагающему, что главное для «победителя» – помимо здоровья и богатства, иметь объект любви:

John looks about him with enjoyment.
What a man needs, he thinks, is health;
Well-paid, congenial employment;
A house; a modicum of wealth;
Some sunlight; coffee and the papers;
Artichoke hearts adorned with capers;
A Burberry trench coat; a Peugeot;
And in the evening, some Rameau
Or Couperin; a home-cooked dinner,
A Stilton, and a little port;
And so to duvet. In short,
In life's brief grief to be a winner
A man must have... oh, yes, above
All else, someone to love (6. 13) [25. С. 129].

В переводе генерализированы описания гастрономических (артишоки с каперсами, сыр «Стилтон») и музыкальных (Рамо, Куперен) пристрастий героя, но прагматическая установка на романтическое устремление обозначена вполне ясно:

Джон счастлив. О, для счастья хватит
живущему своим трудом,
когда ему недурно платят
и есть большой, уютный дом,
где уйма солнечного света,
на завтрак кофе и газета;
когда с утра в саду свежо;
стереотехника в «пежо»;
есть выбор вин, сыров к обеду;
вполне приличный гардероб...
Короче, требуется, чтоб
над миром одержать победу,
иметь довольный жизнью вид
и в сердце место для любви [26. Ч. 1. С. 270].

Изображая лирическую героиню, Сет переносит в свой роман некоторые пушкинские образы и старинные русские традиции, близкие его родной культуре. Матриархат, царящий в итало-американской семье Лиз Дорэти, и осо-

бенно описания хозяйственных хлопот и приема гостей напоминают уклад дома Лариных:

The mill outside now that Thanksgiving
Service is over, now the living
Vines are asleep, and the repair
Of harvesting machines, the care
Of injured tractors, and the ending
Of the new crush (for those whose crop
Ferments in fragrance, crop on drop
In their own cellars) mark the ending
(A day of pious, ritual cheer
And gossip) of their year (10. 2) [25. С. 214].

В переводе практически слышны отзвуки пушкинской XXXV строфы («Они хранили в жизни мирной / Привычки милой старины»):

Семья Дорэти, их соседи –
в отдохновеньи от трудов.
Любой под звон церковной меди
молиться и зевать готов,
но чуть по окончании службы
оказывается снаружи,
как разговором увлечен –
ему без разницы о чем:
об урожае (и немало),
ремонте прессов, тракторов,
об изобилии даров
земли и солнца, что в подвалах
свидетельствуют – этот год
был лучше, чем, к примеру, тот [26. Ч. 2. С. 141].

Устроенный брак, по-прежнему распространенный в Индии, оказывается возможным и в современной Америке, когда дочь осознает необходимость откликнуться на мечту больной матери о внуках. Правда, будучи независимой женщиной, Лиз устраивает свой брак сама, но руководствуется при этом не романтическими, а исключительно практическими соображениями: отказывает эгоистичному Джону и принимает предложение Филя, воспитывающего сына и показавшего себя хорошим отцом.

В одном из интервью Сет заметил, что визуальной метафорой отношений пушкинских героев могут служить песочные часы – в начале романа герои незнакомы, затем судьба ненадолго сводит их и снова разводит. Графическим символом, передающим историю персонажей своего романа, американский писатель считает букву W, имея в виду, что герои в ходе повествования меняют своих избранников [33. С. 224]. Поскольку W представляет собой две буквы V, отраженные в горизонтальной плоскости, а песочные часы можно описать как две буквы V, отраженные в вертикальной плоскости, то наблюдение Сета позволяет увидеть дополнительную точку метафорического соприкосновения двух романов о несостоявшейся любви.

Отвечая на вопрос о литературных влияниях в июньском интервью 1999 г., Викрам Сет назвал Пушкина и пояснил, что ему особенно дороги его экспериментальность и независимость, сочетание легкости и серьезности. Сет добавил также, что именно через прекрасный перевод пушкинского романа он получил величайшее вдохновение [34]. Хрестоматийные пушкинские слова о переводчиках как почтовых лошадях просвещения отзываются в современном понимании перевода как основы всемирной литературы. Для такого писателя мира, как Викрам Сет, – владеющего тремя языками, переведившего индийскую и китайскую поэзию на английский язык, родившегося в Индии и жившего в США, Китае, Англии, – пушкинская художественная модель полиглота и путешественника оказывается родственной и органичной.

Гибридная форма нарративного стиха позволила Сету (само)иронично рассказать о современной Америке со всеми ее проблемами и трагедиями в жизнеутверждающем стиле, не характерном ни для прозы, ни для поэзии постмодернистской эпохи. Вслед за «Золотыми воротами» англоязычные романы в стихах появились на разных континентах: это и «Омерос» вест-индского британца Дерека Уолкота (1990), и «Эхнатон» (1992) австралийки Дороти Портер, и «Автобиография красного» (1998) канадки Энн Карсон, и многие другие. Уолкот и Портер обращались к роману в стихах неоднократно, для некоторых авторов (в частности, для американской поэтессы Сони Соунз) он стал отличительным жанром, что позволило критикам говорить о знаковости этой формы для рубежа тысячелетий и ее органичности в контексте музыкальной культуры XX в. [35, 36]. Примечательно, что последний роман великого экспериментатора Энтони Берджесса, «Байрн» (*Byrne*, 1995), воспроизводит различные размеры эпохи романтизма и, как поясняет рассказчик, является стихотворным некрологом в байроновском стиле, написанным по просьбе некоего Майкла Байрна (сопоставление с романом Сета (см. в [37])). Текст Берджесса, в знаменитой рецензии «Пушкин и Кинбот» пронизательно соотнесшего труд Набокова о «Евгении Онегине» с «Бледным огнем», представляется опосредованным откликом не только на байроновский, но и на пушкинский роман и его набоковскую интерпретацию.

Интересным опосредованным откликом на «Евгения Онегина» стал и поэтический текст Лин Хеджинян «Охота: Короткий русский роман» (*Oxota: A Short Russian Novel*, 1991), написанный в форме свободного сонета и, как сообщается на обложке, «вдохновленный» пушкинским романом в стихах. Это объемное произведение – 270 глав-строф, разделенных на восемь книг, – стало итогом довольно длительного пребывания автора в России 1980-х, изучения ею русского языка и дружбы с ленинградскими поэтами. Русскоязычное заглавие своего поэтического романа Хеджинян поясняет лишь в самом конце, в строфе 259, где делается намек, что имеется в виду охота за ускользающими смыслами. Как заметила видная исследовательница американского авангарда Марджори Перлофф (критически оценившая роман Сета, как упоминалось выше), Хеджинян обратилась к пушкинскому новаторскому опыту, чтобы создать альтернативу по-прежнему существующей оппозиции прозы и поэзии [38]. Многочисленные отсылки Хеджинян к Пушкину довольно энигматичны – «Pushkin remains himself, but what self has he to remain» (возможный перевод: «Пушкин остается собой, но какое его “я” остается») [39].

С. 19)). В целом «извилистые коридоры» этого романа-лабиринта многим читателям могут показаться «непроходимыми» [38], и только искушенные критики находят в практически бессюжетном повествовании тематические переключки с романом об Онегине и Татьяне.

Тем не менее художественные эксперименты Хеджинян и Сета сопоставляются как попытки представителей двух оппозиционных поэтических течений – авангардной «языковой поэзии» и достаточно консервативного «нового формализма» – преодолеть бинарную «поэтику холодной войны» и прийти от «оппозиционной к аппозиционной поэтике», т.е. поэтике соположения и взаимодополнения [40. С. 86–87]. Вполне закономерно, что для осуществления своего замысла оба автора избрали в качестве текста-медиатора пушкинский полифонический роман в стихах, в котором синтезированы лирическое и драматическое начала, национальный фольклор и европейская литература, мир деревни и мир города. В романе Сета переключки с романом Пушкина наиболее очевидны, как на уровне формы (онегинская строфа со строфическим переносом для создания разговорной интонации), так и на уровне содержания (герой-яппи как аналог денди и сильная героиня на фоне современной эпохи). Можно предположить, что транскультурный код пушкинского творения еще вызовет новые иноязычные интерпретации.

Литература

1. Никольюкин А.Н. Литературные связи России и США: Становление литературных контактов. М.: Наука, 1981. 405 с.
2. Букалов А.М. «Берег дальний...»: из зарубежной Пушкинианы. СПб.: Алетейя, 2014. 599 с.
3. Lounsbury A. «Bound by Blood to the Race»: Pushkin in African American Context // Under the Sky of My Africa: Alexander Pushkin and Blackness. Ed. C. Nepomnyashchy et al. Evanston, IL: Northwestern University Press, 2006. P. 248–278.
4. Панова О.Ю. «Пушкин стал одно время злобой дня»: Столетний юбилей Пушкина 1937 года в США // Рус. лит. в зеркалах мировой культуры: рецепция, переводы, интерпретации. М.: Изд-во ИМЛИ РАН, 2015. С. 705–779.
5. Гоголь Н. В. Несколько слов о Пушкине // Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 8: Статьи. М., 1952. С. 50–55.
6. Лейтон Л.Г. Пушкин в англоязычном мире // Вестн. РАН. 1999. Т. 69, № 2. С. 135–139.
7. Лунгард А.А. Об английских переводах поэзии и драматургии А.С. Пушкина // Пушкин А.С. «В надежде славы и добра»: избранная поэзия (на рус. языке с переводом на англ. язык). М.: Вагриус, 2008. С. 7–21.
8. Chandler R. Some Recent Translations of Pushkin // Slavic and East European journal. 2009. Vol. 53, № 4. P. 645–650.
9. *After Pushkin*. Versions of the poems by Alexander Sergeevich Pushkin by Contemporary Poets / Ed. and Introd. by E. Feinstein. Manchester; London: Carcanet Press, 1999. 96 p.
10. Тихомирова Ю.А. Современный англоязычный Пушкин: стратегии репрезентации лирики // Вестн. Том. гос. ун-та. 2013. № 373. С. 29–37.
11. Вулф О. Новый американец Пушкин. URL: http://www.lit.lib.ru/w/wolodimerowa_1_w/pushkin.shtml (дата обращения: 20.12.16).
12. Lowenfeld J.H. My Talisman: The Poetry & Life of Alexander Pushkin (English and Russian Edition). NY.: Green Lamp Press, 2010. 734 p.
13. Debrecceny P. Social Functions of Literature: Alexander Pushkin and Russian Culture. Stanford: Stanford UP, 1997. 289 p.
14. Dirda M. Pushkin: A Biography by T.J. Binyon // The Washington Post. 2003. Nov. 16. P. T15.

15. Витале С. Тайна Дантеса, или Пуговица Пушкина / пер. с ит. Е.М. Емельяновой. М.: Алгоритм, 2013. 410 с.
16. Vitale S. Pushkin's Button. Tr. by A. Goldstein and J. Rothschild. NY: Farrar, Straus & Giroux, 1999. 355 p.
17. Feinstein E. Elementary, my dear reader // The Times. 1999. April 1. P. 15.
18. Meer A. Vikram Seth. BOMB – Artists in Conversation. URL: [http:// bombmagazine.org/article/1377/](http://bombmagazine.org/article/1377/) (дата обращения: 20.12.16).
19. Lehman D. A Sonnet to San Francisco // Newsweek. 1986. April, 14. Vol. 107. No. 15. P. 74–75.
20. Гроссман Л.П. Пушкин и дендизм. Этюды о Пушкине // Собр. соч.: в 5 т. М., 1928. Т. 1. С. 14–44.
21. Лотман Ю.М. Русский дендизм // Беседы о русской культуре. СПб., 1994. С. 123–135.
22. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. 504 с.
23. Томашевский В.Б. Строфика Пушкина // Стих и язык: Филологические очерки. М.; Л., 1959. С. 202–324.
24. Солодовникова Д.Н. Онегинские строфы Викрама Сета // Текст в культурно-историческом контексте: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2005. С. 127–143.
25. Seth V. The Golden Gate. London Faber & Faber, 1999. 307 p.
26. Сем В. Золотые ворота / пер. А. Олеара: в 2 т. Томск: ТомСувенир, 2014. 656 с.
27. Тынянов Ю.Н. О композиции «Евгения Онегина» // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 52–77.
28. Nabokov V. Translator's Introduction. Eugene Onegin / By Aleksandr Pushkin. Vol. 1. Revised Ed. Trans. Vladimir Nabokov. London: Routledge and Kegan Paul, 1975. P. 3–88.
29. Сем В. Золотые ворота. Фрагменты / пер. Г. Агафонова // Иностран. лит. 1993. № 9. С. 240–243.
30. Евгений Онегин из Сан-Франциско. 2015. 06.06. URL: <https://godliterature.ru/public-post/evgeniy-onegin-iz-san-francisko> (проверено: 20.12.16).
31. Сем В. Золотые ворота. Фрагмент. Перевод М. Визеля. URL: <http://viesel.ru/texts/seth/goldengaterus.html> (дата обращения: 20.12.16).
32. Perloff M. 'Homeward Ho!': Silicon Valley Pushkin // The American Poetry Review. 1986. Nov. – Dec. P. 37–46.
33. Ponomareva A. Vikram Seth's The Golden Gate as a Transcreation of Alexander Pushkin's Eugene Onegin // Rereading Schleiermacher: Translation, Cognition and Culture. Ed. T. Seruya, J.M. Justo. Berlin, 2016. P. 219–232.
34. Kapur A. The Seth Variations // Atlantic Unbound Interview. 1999. June, 23. URL: <http://www.theatlantic.com/past/docs/unbound/interviews/ba990623.htm> (дата обращения: 20.12.16).
35. Addison C. The Verse Novel as Genre: Contradiction or Hybrid? // Style. 2009. № 43.4 P. 539.
36. Sauerberg L.O. Repositioning Narrative: The Late Twentieth-Century Verse Novels of Vikram Seth, Derek Walcott, Craig Raine, Anthony Burgess and Bernadine Evaristo // Orbis Litteratum: International Review of Literary Studies. 2004. 59. No. 6. P. 439–464.
37. Aboudaif S.A. Anthony Burgess and Vikram Seth's Twentieth Century Verse Novelists: A Critical Survey // Вестн. Рязан. гос. ун-та им. С.А. Есенина. 2010. № 28. С. 64–78.
38. Perloff M. How Russian Is It: Lyn Hejinian's Oxota. URL: <http://wings.buffalo.edu/epc/authors/perloff/hejinian.html> (дата обращения: 20.12.16).
39. Hejinian L. Oxota: A Short Russian Novel. Great Barrington, MA: The Figures, 1992. 292 p.
40. Edmond J. Bridging Poetic and Cold War Divides in Lyn Hejinian's Oxota and Vikram Seth's The Golden Gate // Gramma / Journal of Theory and Criticism. 2008. 16. P. 85–100.

EUGENE ONEGIN'S TRANSCULTURAL CODE IN THE AMERICAN NOVEL IN VERSE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 48. 158–172. DOI: 10.17223/19986645/48/11

Evgenia M. Butenina, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation).
E-mail: butenina.em@dvfu.ru

Keywords: Pushkin, *Eugene Onegin*, novel in verse, Seth, *The Golden Gate*, Hejinian, *Oxota: A Short Russian Novel*.

The paper discusses how the contemporary novel in verse, *The Golden Gate* (1986) by Indian American author Vikram Seth, interacts with the classical Russian novel in verse, Alexander Pushkin's *Eugene Onegin* (1832). Seth openly states that he was inspired by Pushkin's creation in "Johnston's luminous translation" and employs the form known as the "Pushkin sonnet" or "Onegin stanza" throughout his long narrative about the late 20th century California. The India-born and Stanford-educated author was inspired not only by the form but also by the content of Pushkin's novel. So he "transplants" the Byronic dandy Eugene Onegin as the Californian yuppie John Brown in an attempt to rehabilitate this type, sarcastically portrayed in the 1980s city novels, such as Jay McInerney's *Bright Lights, Big City* (1984) or Bret Easton Ellis's *Less Than Zero* (1985).

All the characters in *The Golden Gate* belong to the yuppie circle and schematically represent different ethnic, religious, political and sexual subcultures of contemporary America. John Brown stands for the mainstream (white heterosexual male), indifferent to everything as was his predecessor Eugene Onegin defined as the first "superfluous man" in the Russian literature. His ex-girlfriend, Japanese American Janet Hayakawa, decides to settle his loveless life and publishes an ad in his name. Thanks to this epistolary connection, parodically evoking the famous Tatiana Larina's letter to Eugene Onegin, John meets and falls in love with a feminist lawyer Liz Dorati. Understanding John's selfishness, Liz does not accept his proposal and instead marries Phil Weiss, a single father abandoned by both his wife and his male Catholic lover, who also happens to be Liz's brother.

To convey this heteroglossia, Seth turns to Pushkin's example of the polyphonic novel or "the encyclopedia of the styles and discourses of the epoch", as Mikhail Bakhtin described it. To create a modern love story against the backdrop of the late 20th-century America, Seth incorporates in his narrative computer and physics discourses, words from several languages, including Russian, extracts from personal letters and art reviews. For a vernacular manner in the author's speech and in dialogue, Seth uses Pushkin's techniques of inter-stanza syntactical transfers, elliptical sentences, repetitions, intonation breaks.

Interestingly, Pushkin's *Eugene Onegin* also inspired Lyn Hejinian's novel in verse *Oxota: A Short Russian Novel* (1992) written in free sonnet. Lyn Hejinian belongs to an avantgarde school of language poetry, while Vikram Seth belongs to a more traditionalist, neoformalist school. However, the transcultural code of Pushkin's text enables such diverse authors to move from binary oppositions between prose and poetry, tradition and innovation and approach a more open mode of artistic imagination.

References

1. Nikol'yukin, A.N. (1981) *Literaturnye svyazi Rossii i SShA. Stanovlenie literaturnykh kontaktov* [Literary ties between Russia and the United States. The formation of literary contacts]. Moscow: Nauka.
2. Bukalov, A.M. (2014) "Bereg dal'nyy...": iz zarubezhnoy Pushkiniany ["Faraway coast...": from the foreign Pushkiniana]. St. Petersburg: Aleteyya.
3. Lounsbury, A. (2006) "Bound by Blood to the Race": Pushkin in African American Context. In: Nepomnyashchy, C. et al. (eds) *Under the Sky of My Africa: Alexander Pushkin and Blackness*. Evanston, IL: Northwestern University Press.
4. Panova, O.Yu. (2015) "Pushkin stal odno vremya zloboy dnya". Stoletniy yubiley Pushkina 1937 goda v SShA ["Pushkin once became the rage of the day". The centenary of Pushkin in 1937 in the United States]. In: Kudelin, A.B. (ed.) *Russkaya literatura v zerkalakh mirovoy kul'tury: retseptsiya, perevody, interpretatsii* [Russian literature in the mirrors of world culture: reception, translations, interpretations]. Moscow: IWL RAS.
5. Gogol, N.V. (1952) *Polnoe sobranie sochineniy: [V 14 t.]* [Complete works: [In 14 vols]]. Vol. 8. Moscow: USSR AS. pp. 50–55.
6. Leighton, L.G. (1999) Pushkin v angloyazychnom mire [Pushkin in the English-speaking world]. *Vestnik Rossiyskoy Akademii nauk*. 69:2. pp. 135–139.
7. Lipgart, A.A. (2008) Ob angliyskikh perevodakh poezii i dramaturgii A.S. Pushkina [On English translations of poetry and dramaturgy of A.S. Pushkin]. In: Pushkin, A.S. "V nadezhde slavy i dobra": izbrannaya poeziya ["In the hope of glory and goodness": selected poetry]. In Russian with English translations. Moscow: Vagrius.

8. Chandler, R. (2009) Some Recent Translations of Pushkin. *Slavic and East European Journal*. 53:4. pp. 645–650.
9. Feinstein, E. (ed.) (1999) *After Pushkin. Versions of the poems by Alexander Sergeevich Pushkin by Contemporary Poets*. Manchester; London: Carcanet Press.
10. Tikhomirova, Yu.A. (2013) A.S. Pushkin in modern English translations: strategies of poetry representation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 373. pp. 29–37. (In Russian).
11. Vulf, O. (2009) *Novyy amerikants Pushkin* [A New American Pushkin]. [Online] Available from: http://www.lit.lib.ru/w/wolodimerowa_1_w/pushkin.shtml. (Accessed: 20th December 2016).
12. Lowenfeld, J.H. (2010) *My Talisman: The Poetry & Life of Alexander Pushkin*. (English and Russian Edition). NY: Green Lamp Press.
13. Debreczeny, P. (1997) *Social Functions of Literature: Alexander Pushkin and Russian Culture*. Stanford: Stanford UP.
14. Dirda, M. (2003) Pushkin: A Biography by T.J. Binyon. *The Washington Post*. Nov. 16. pp. T15.
15. Vitale, S. (2013) *Tayna Dantes, ili Pugovitsa Pushkina* [The Mystery of Dantes, or Pushkin's Button]. Translated from Italian by E.M. Emel'yanova. Moscow: Algoritm.
16. Vitale, S. (1999) *Pushkin's Button*. Translated from Italian by A. Goldstein and J. Rothschild. NY: Farrar, Straus & Giroux.
17. Feinstein, E. (1999) Elementary, my dear reader. *The Times*. April 1. pp. 15.
18. Meer, A. (1990) Vikram Seth. *BOMB – Artists in Conversation*. [Online] Available from: <http://bombmagazine.org/article/1377/>. (Accessed: 20th December 2016).
19. Lehman, D. (1986) A Sonnet to San Francisco. *Newsweek*. April, 14. CVII:15. pp. 74–75.
20. Grossman, L.P. (1928) *Sobranie sochineniy: V 5 t.* [Works: in 5 vols]. Vol. 1. Moscow: Sovremennye problemy. pp. 14–44.
21. Lotman, Yu.M. (1994) *Besedy o russkoy kul'ture* [Conversations about Russian culture]. St. Petersburg: Iskusstvo. pp. 123–135.
22. Bakhtin, M.M. (1975) *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let* [Issues of literature and aesthetics. Studies of different years]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
23. Tomashevskiy, V.B. (1959) *Stikh i yazyk. Filologicheskie ocherki* [Verse and Language. Philological essays]. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo khud. lit. pp. 202–324.
24. Solodovnikova, D.N. (2005) Onegin'skie strofy Vikrama Seta [Onegin strophes of Vikram Seth]. In: *Tekst v kul'turno-istoricheskoy kontekste* [Text in the cultural and historical context]. Ekaterinburg: Ural State University.
25. Seth, V. (1999) *The Golden Gate*. London: Faber&Faber.
26. Seth, V. (2014) *Zolotye vorota* [The Golden Gate]. Translated from English by A. Olear. In 2 vols. Tomsk: TomSuvener.
27. Tynyanov, Yu.N. (1977) *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. History of literature. Cinema]. Moscow: Nauka. pp. 52–77.
28. Nabokov, V. (1975) *Translator's Introduction. Eugene Onegin. By Aleksandr Pushkin*. Vol. 1. London: Routledge and Kegan Paul. pp. 3–88.
29. Seth, V. (1993) *Zolotye vorota. Fragmenty* [The Golden Gate. Fragments]. Translated from English by G. Agafonov. *Inostrannaya literatura*. 9. pp. 240–243.
30. Godliteratury.ru. (2015) *Evgeniy Onegin iz San-Frantsisko* [Eugene Onegin from San Francisco]. June 06. [Online] Available from: <https://godliteratury.ru/public-post/evgeniy-onegin-iz-san-francisco>. (Accessed: 20th December 2016).
31. Seth, V. (2006) *Zolotye vorota. Fragment* [The Golden Gate. Fragments]. Translated from English by M.Vizel'. [Online] Available from: <http://viesel.ru/texts/seth/goldengaterus.html>. (Accessed: 20th December 2016).
32. Perloff, M. (1986) 'Homeward Ho!': Silicon Valley Pushkin". *The American Poetry Review*. Nov.–Dec. pp. 37–46.
33. Ponomareva, A. (2016) Vikram Seth's The Golden Gate as a Transcreation of Alexander Pushkin's Eugene Onegin. In: Seruya, T. & Justo, J.M. (eds) *Rereading Schleiermacher: Translation, Cognition and Culture*. Berlin: Springer.
34. Kapur, A. (1999) The Seth Variations. *Atlantic Unbound Interview*. June, 23. [Online] Available from: <http://www.theatlantic.com/past/docs/unbound/interviews/ba990623.htm>. (Accessed: 20th December 2016).
35. Addison, C. The Verse Novel as Genre: Contradiction or Hybrid? *Style*. 43:4 pp. 539.

36. Sauerberg, L.O. (2004) Repositioning Narrative: The Late Twentieth-Century Verse Novels of Vikram Seth, Derek Walcott, Craig Raine, Anthony Burgess and Bernadine Evaristo. *Orbis Litteratum: International Review of Literary Studies*. 59:6. pp. 439–464.
37. Aboudaif, S.A. (2010) Anthony Burgess and Vikram Seth as Twentieth Century Verse Novelists: A Critical Survey. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina*. 28. pp. 64–78.
38. Perloff, M. (1998) *How Russian Is It: Lyn Hejinian's Oxota*. [Online] Available from: <http://wings.buffalo.edu/epc/authors/perloff/hejinian.html>. (Accessed: 20th December 2016).
39. Hejinian, L. (1992) *Oxota: A Short Russian Novel*. Great Barrington, MA: The Figures.
40. Edmond, J. (2008) Bridging Poetic and Cold War Divides in Lyn Hejinian's *Oxota* and Vikram Seth's *The Golden Gate*. *Gramma: Journal of Theory and Criticism*. 16. pp. 85–100.